

Храм.

Полуразрушенный храм.

Полуразрушенный храм, в котором нет ни запаха благовоний, ни признаков верующих.

Освещение в храме было тяжелым и тусклым, его внутреннее убранство было полностью разрушено. Статуя Будды в центре была полностью покрыта пылью и разбита, хотя все еще выглядела достойно. Полуразрушенный храм, подобный этому, не мог защитить от ветра или дождя, но обездоленные люди часто прятались здесь.

В храме не был разведен огонь, поэтому было немного прохладно.

Сбоку несколько одетых в лохмотья людей, похожих на нищих, сжимали в руках пучки сухой травы, претендуя на самые теплые и сухие места для ночлега. Что касается меня, то я вытерла лицо рукавом и один раз сплюнула.

Я осмотрела каждый уголок местности в лесу перед храмом, расстегнула пояс и присела на корточки. Притворяясь, что справляю нужду, я выжидала, пока никто не будет смотреть, прежде чем начать копать в грязи...

Было рискованно делать что-то в это время суток, поэтому я должна была действовать быстро и точно. Старый длинный халат, который я носила, совсем не подходил мне по фигуре. Я знала, что в этом наряде выгляжу нелепо. Пепельно-зеленая одежда была даже украдена с мертвого тела.

Я не знала своего имени.

Старый нищий в храме говорил, что в ветреный снежный день меня принесла сюда моя мать. Это была женщина с родинкой в виде слезинки в уголке глаза, дева несравненной красоты, не присущей простым смертным. Всякий раз, когда старый вонючий нищий доходил до этого момента, он смотрел на меня мутным взглядом и безнадежно качал головой. И тогда я знала, что он скажет: "Ты не унаследовала и десятой доли красоты своей матери."

ТЬфу!

Этот старый нищий уже был на пороге смерти, но все еще был таким развратным.

Пусть я и говорю это, по сути он был моим единственным защитником в захудалом храме. Даже когда наступал голод, он никогда не забывал оставить мне полный рот супа.

"Во время смутных военных лет солдаты дезертировали, а войска взбунтовались. Тогда разлучились целые семьи, и множество людей умерло от голода." Это были последние слова, которые старик сказал мне перед смертью. Я думаю, что это были самые умные вещи, которые он когда-либо говорил, потому что я ничего не смогла понять.

Но, будучи маленькой попрошайкой, я не нуждалась в таких вещах, как внутренний смысл и безупречное поведение. Сколько бы слов я ни выучила, это не давало мне пищи. Для меня прожить на этом паршивом клочке земли пять лет и не умереть с голоду уже было не чем иным, как чудом.

Однажды я тяжело заболела, от лихорадки у меня помутилось в голове, так что я понятия не имела, сколько мне сейчас лет. На первый взгляд казалось, что мне около семи или восьми лет,

но я не думаю, что я была такой уж маленькой, потому что я уже довольно многое понимала. Может быть, я просто плохо росла.

Вплоть до своей смерти старый нищий твердо верил, что моя судьба еще не решена окончательно. Он говорил, что тогда храм не был таким захудалым, и на мне была очень хорошая одежда, словно бы я была ребенком из богатой семьи. Он сказал мне, что у меня есть мать, и она обязательно вернется, чтобы забрать меня отсюда.

Но ничего из того, что он говорил мне, не производило на меня особого впечатления...

Этот старый нищий раньше был рассказчиком, так что кто знает, может быть, все, что он рассказывал, было просто его нелепыми выдумками. Это было место, где царил волчий закон. Что касается меня, то единственное, что меня волновало - это придумать, как прожить еще один день.

К настоящему моменту единственный человек, который был добр ко мне в храме, умер. Мои перспективы на будущее были мрачными, но, к счастью, старый нищий оставил мне немного еды перед смертью.

Мои раздражающие длинные рукава волочились по земле и были покрыты пылью. Грязь покрывала мои ногти. Порывшись во влажной земле, я откопала пакет из промасленной бумаги, в котором были остатки половины маньтоу(1).

В этом году еды было очень мало. Были даже люди, готовые есть белую глину(2), поэтому воровство, сокрытие, мародерство были обычной практикой выживания. Только так можно было продолжать жить в эти беспокойные времена.

Украдкой я воспользовалась секундной передышкой, открыла пакет из промасленной бумаги и откусила кусочек старой маньтоу внутри. Я подержала этот кусочек во рту, в конце концов неохотно заглотив его. Моя рука дрожала, когда я снова заворачивала еду и вдыхала ее аромат, а затем благоговейно, осторожно положила пакет обратно в отверстие. Сразу же после этого я распласталась на земле, расправив рукава, и собрала побольше земли, чтобы похоронить манту. Я также воспользовалась случаем, чтобы набить рот белой глиной.

...немного пожевав, я невольно нахмурила брови. Вкус был не слишком приятным, но, по крайней мере, это наполнило мой желудок.

"Ты, грязный негодяй, что ты здесь ешь? Ты даже не проявил уважения к старшим."

Пораженная, я вцепилась в землю, подобно собаке, плещущейся в воде, желая скрыть все следы моих недавних раскопок.

"Похоже, этот старый нищий, должно быть, оставил ему немного хорошей еды." Внезапно кто-то атаковал меня, и чья-то нога пнула меня в спину. Мое тело обожгло болью, я поползла вперед, тщетно пытаясь подавить слезы. Неожиданный удар заставил меня поперхнуться, и, так и не успев ничего проглотить, я выплюнула кусочки маньтоу, смешанные с грязью.

Это была белая глина, смешанная с клейкими кусочками маньтоу.

Какая пустая трата времени.

"Подойдите ближе! У него есть маньтоу." - несколько пар грязных рук шарили повсюду, пока не выудили бумажный пакет из грязи.

"Она уже немного прогорклая."

"Это все еще съедобно, оставь мне немного."

"Твоя бабушка![3]. Тупой подонок, ты действительно научился ускользать и есть в одиночку, просто подожди, пока я забью тебя до смерти, воришка!"

Дождь кулаков обрушился на мое тело. Все, даже мои внутренности, болело. Это ощущение жжения было сильнее, чем боли в животе после нескольких дней без еды. В любом случае, это означало смерть.

"Все вы, попрошайки, издеваетесь надо мной! Проклятие, я вас побью!" - я заползла на человека и схватила его за ногу, злобно кусая за вонючие, грязные брюки.

"Это больно, ты, сучье отродье!"

Поднявшаяся пыль на секунду ослепила меня, а потом кулаки обрушились, подобно урагану нефритовых пластин. Мое маленькое и изломанное тело топтали и избивали все сильнее и сильнее, но мои дрожащие руки упрямо тянулись вперед, чтобы поднять маньтоу, упавшую на землю. Я вырвалась, запихнула ее в рот и начала яростно жевать. Влажная грязь имела привкус сырой рыбы с маньтоу и застревала в горле.

Мои глаза увлажнились. Это называлось: "Даже если я умру, я не стану голодным призраком!"

Я думаю, что избивающие меня мальчишки были очень разгневаны моим героизмом. Каждый из них ударил меня, потом они схватили меня за воротник и начали трясти.

Даже во время встряхивания не выплевывайте птицу!(4)

Маньтоу была прогорклой, но это все равно была маньтоу, редкий товар. Как только я закрыла глаза, чтобы подготовиться к очередному раунду избиения, вокруг внезапно воцарилась тишина. Странная атмосфера вызвала невольную тревогу в сердце. Мое тело согнулось в нескольких местах, я поползла вперед, нащупывая рукой прогорклую маньтоу, чтобы откусить еще кусочек. Но затем пара сапог, таких белых, что их просто не могло быть в таком захудалом храме, как этот, появилась перед моими глазами, чтобы наступить на мой последний кусок еды. Этот вид белого... он был еще более белоснежным, чем моя маньтоу.

Я была ошеломлена.

Белое одеяние в форме полумесяца медленно опустилось складками на землю, его ткань была сделана из неизвестного высококачественного материала. Я не знаю, что за штуку бросил ее владелец, но мальчишки, которые раньше избивали меня, подняли из-за нее шум и начали драться между собой.

Я упрямо оставалась на земле, не двигаясь, все еще прижимая к себе этот кусок прогорклой маньтоу.

"Разве это еще съедобно?" - раздался голос, похожий на звон нефрита, но он был наполнен силой, его интонация была нежной и утонченной, подобно чистому источнику холодной воды, изливающемуся на все мое существо. Даже боль, терзавшая мое тело, приутихла.

"Если я не буду есть, я умру с голоду."

"Если ты согласишься пойти со мной, я буду кормить тебя три раза в день и обещаю, что ты будешь есть досыта."

Нефритовая рука, красивая и тонкая, осторожно протянулась, чтобы поддержать меня, как будто боясь причинить мне боль. Это движение заставило меня удивленно взглянуть на человека. Даже по прошествии многих лет и событий я никогда не смогу точно описать тот момент или волнующую душу глубину его красоты.

Ранней весной того года исполнился мой пятый год в полуразрушенном храме.

Я впервые встретила Фан Хуа.

(1) Маньтоу - булочка из муки, приготовленная на пару.

(2) Гуаньинь Ту - буквально переводится как Земля Богини Милосердия - разновидность белой глины, которую в Китае ели голодающие.

(3) Форма проклятия.

(4) Идиома, метафора того, что она не сдается даже под давлением.

<http://tl.rulate.ru/book/80096/2432656>